

A black and white photograph of a jockey riding a horse during a race. The jockey is wearing a helmet and goggles, and is leaning forward. The horse is in full gallop. The background shows a cloudy sky and a grassy field with other horses in the distance. A blue rectangular overlay with a yellow border is positioned in the center of the image, containing the text 'Дик Фрэнсис' and 'РАССЛЕДОВАНИЕ'.

Дик Фрэнсис
РАССЛЕДОВАНИЕ

Дик Фрэнсис
Расследование
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134527

Эксмо;
ISBN 978-5-389-21814-7

Аннотация

Дик Фрэнсис (1920-2010) – один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек – Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам.

Для жокея-профессионала Келли Хьюза, короля стипль-чеза, остаться без лицензии – сущий кошмар. Поэтому Хьюз решает провести собственное расследование обстоятельств, приведших к столь неожиданному для него решению Дисциплинарного комитета...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	47
Вторая часть	64
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дик Фрэнсис

Расследование

ENQUIRY

Copyright © 1969 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Сергея Белова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© С. Б. Белов, (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Часть первая

Февраль

Глава 1

Вчера у меня отобрали лицензию. Для жокея-профессионала, мастера стипль-чеза, остаться без лицензии все равно что не пройти медкомиссию.

Итак, отныне мне запрещено участвовать в скачках, запрещено появляться на ипподромах, запрещено показываться на конюшнях. Последнее особенно печально, ибо я там и живу.

Вчерашний день был сплошным большим кошмаром, и мне тяжело еще раз вспоминать долгие мрачные часы без сна. Я был ошарашен, потрясен, сбит с толку, но в глубине души теплилась слабая надежда, что это всего-навсего ошибка. Так продолжалось далеко за полночь. Конечно, в неверии, что это действительно случилось, было что-то утешающее, но затем наступило отрезвление: я понял, что это свершившийся факт. Моя жизнь теперь напоминала вдребезги разбитую чашку. Осколки склеить было невозможно.

Утром я встал, сварил себе кофе и глянул в окно. Как всегда, ребята суетились у лошадей, выезжали на утреннюю

проминку. Тут я по-настоящему и вкусил горечь судьбы из-гоя.

Обычно по утрам у моего окна появлялся Фред и кричал во все горло:

– Ты что, собираешься торчать здесь целый день?

Но сегодня Фред так и не появился. Сегодня мне ничего не оставалось делать, как сидеть в своей комнате без дела.

Никто из ребят не смотрел на мои окна. Они вообще старались не смотреть по сторонам. Они вели себя тихо, слишком тихо. Я увидел, как Бочонок Берни стал карабкаться на жеребенка, на котором еще недавно выступал я. В том, как робко опустил он в седло свою толстую задницу, было что-то извиняющееся.

Он тоже смотрел вниз.

Ничего, думал я, завтра они опять придут в себя. Завтра они начнут проявлять любопытство, задавать вопросы. Они не презирали меня. Они мне сочувствовали. Сочувствовали и стеснялись. А также немного тревожились. Им было неприятно смотреть в глаза Большой Беде.

Наконец они ускакали, а я медленно пил кофе, думая, что же теперь делать. Меня заполнило неприятное, очень неприятное чувство пустоты и утраты.

В моем почтовом ящике, как обычно, уже лежали утренние газеты. Интересно, что подумал мальчишка-разносчик, он-то ведь, небось, прекрасно знал, что в них сегодня? Я пожал плечами. Ладно, прочитаю-ка сам, что придумали чер-

товы газетчики, да благословит их Господь!

За отсутствием других сенсаций «Спортинг лайф» не поскупилась на гигантские заголовки на первой полосе:

КРЭНФИЛД И ХЬЮЗ ДИСКВАЛИФИЦИРОВАНЫ

В верхней части страницы была фотография Крэнфилда, а пониже моя улыбающаяся физиономия. Снимок сделали в тот день, когда я выиграл Золотой кубок Хеннеси. «Редактор – остряк, – кисло подумал я. – Подлец. Выудил из архивов снимок, где у меня особенно лучезарный вид».

Зато текст, набранный мелким шрифтом сверху и снизу, наводил тоску.

«Стюардов не удовлетворили мои объяснения, – заявил Крэнфилд. – Они отобрали у меня тренерскую лицензию. Больше мне сообщить нечего».

В заметке утверждалось, что Хьюз заявил примерно то же самое. Если я правильно помнил, то Хьюз вообще промолчал. Хьюз был слишком ошарашен, чтобы связать хотя бы два слова, и если бы ему что-то и удалось сказать, он разразился бы непечатной бранью.

Я не дочитал заметку. Я достаточно их повидал. Вместо «Крэнфилд и Хьюз» вполне можно было подставить фамилии любого другого тренера и жокея. Газетные отчеты о дисквалификации походили друг на друга как две капли воды

прежде всего отсутствием серьезной информации. Поскольку предпринимаемое в подобных ситуациях расследование носило сугубо частный, закрытый характер, те, кто отвечал за его проведение, не были обязаны выдавать информацию ни прессе, ни общественности, и поэтому они хранили полное молчание. Как это бывает в организациях, не стремящихся к рекламе, их главная задача и состояла в том, чтобы не посвящать лишних в свои тайны.

«Дейли уитнесс» также не сообщила ничего конкретно. Папаша Леман в очередном приступе красноречия сообщал: *«Келли Хьюз, один из наиболее вероятных претендентов на звание короля стипль-чезов этого сезона, оставшийся в прошлом году на пятой позиции, был лишен лицензии жокея на неопределенный срок. Тридцатилетний Хьюз покинул зал, где слушалось это дело, через десять минут после Крэнфилда. Бледный и угрюмый, он подтвердил репортерам, что лишился лицензии, и сказал, что больше ему добавит нечего».*

У газетчиков на редкость острый слух.

Я со вздохом отложил газету и пошел в спальню. Там я снял халат, надел брюки и свитер, прибрал постель и, усевшись на нее, уставился в пространство. Больше мне нечем было заняться. Ни сейчас, ни в ближайшем будущем. Увы, ни о чем, кроме недавнего расследования, я и не мог думать.

Если коротко, то меня дисквалифицировали за проигрыш. В розыгрыше «Лимонадного кубка», состоявшемся в

Оксфорде в конце января, выступая на фаворите, я пришел вторым, за явным аутсайдером. Это можно было бы назвать стечением обстоятельств, если бы обе лошади не тренировал Декстер Крэнфилд. Я финишировал под аккомпанемент негодующих воплей зрителей. Улюлюканье сопровождало меня до загона, где расседывали лошадей. Декстер Крэнфилд, лошади которого заняли два первых места в розыгрыше одного из главных призов сезона, выглядел не обрадованным, но озадаченным, а распорядители скачек вызвали нас для объяснений. Они заявили, что наши доводы их не удовлетворяют и они передают дело в дисциплинарный комитет Жокей-клуба.

Члены дисциплинарного комитета, заседание которого состоялось через две недели, также отказались поверить, что сенсационный результат – случайность. Они назвали это умышленным обманом публики. Обманом наглым и отвратительным. Во имя доброго имени Жокей-клуба мы должны были понести суровое наказание.

Дурную траву с поля вон!

В Америке, мрачно размышлял я, сидя у себя в спальне, такое просто невозможно. В Америке ставки на лошадей из одной конюшни считаются выигравшими, если приходит любая из них. Поэтому даже в случае победы аутсайдера тот, кто играл лошадей из этой конюшни, не остается внакладе. Пора бы взять на вооружение эту систему и нам.

Самое грустное заключалось в том, что Урон, мой невы-

битый фаворит, стал буквально помирать на финишной прямой, и то, что он остался вторым, а не пятым или шестым, было большим чудом. Если бы на него не поставили так много денег, мне бы не пришлось его гнать. Самым большим невезением было не то, что его обошли за десять ярдов до финиша, но что сделал это другой питомец Крэнфилда – Вишневый Пирог.

Вооруженный сознанием собственной невинности и убеждением, что распорядители скачек в Оксфорде оказались под влиянием эмоций трибун, а дисциплинарный комитет разберется во всем с позиций холодного здравого смысла, я отправился на расследование без каких-либо дурных предчувствий.

Что касается холода, то с ним был полный порядок. Что касается здравого смысла, то предполагалось, что таковой есть у членов комитета, но отсутствует у нас с Крэнфилдом.

Первым намеком на катастрофу послужил зачитанный ими список из девяти скачек, где я выступал на явных фаворитах, подготовленных Крэнфилдом. В шести из них побеждали другие лошади Крэнфилда. В трех других они участвовали, но не побеждали.

– Это означает, – говорил лорд Гоуэри, – что инцидент, который мы разберем, не носит случайного характера. Такое уже случалось, и не раз. Раньше это проходило незамеченным, но на сей раз все шито белыми нитками.

Я стоял перед ними с глупым видом, разинув от удивле-

ния рот. К несчастью, они решили, что челюсть у меня отвалилась от удивления перед их пронизательностью.

– Но большинство этих скачек было давно, – возразил я. – Шесть-семь из девяти...

– Ну и что? – осведомился лорд Гоуэри. – Главное, они были.

– Такое случается с любым тренером, – пылко заговорил Крэнфилд. – Вы об этом прекрасно знаете.

Лорд Гоуэри окинул его ледяным взглядом. От этого взгляда у меня по спине побежали мурашки. Он действительно убежден, что мы виноваты, бешено колотилось у меня в мозгу. Только тогда я понял, что нам надо отчаянно бороться за жизнь, но было уже поздно.

– Напрасно мы не наняли адвоката, – шепнул я Крэнфилду, на что тот испуганно покивал головой.

Незадолго до розыгрыша «Лимонадного кубка» Жокей-клуб наконец порвал с давней аристократической традицией и разрешил тем, кому угрожала дисквалификация и потеря лицензии, пользоваться на подобных разбирательствах помощью юристов. Это нововведение еще не успело по-настоящему привиться в скаковых кругах, и к нему пока что мало кто прибегал. Пару жокеев оправдали с помощью адвоката, но поговаривали, что они были бы оправданы и так. Кроме того, независимо от результатов разбирательства платить адвокату приходилось тем, кто его нанимал. Жокей-клуб не оплачивал судебные издержки, даже ес-

ли выяснялось, что обвинения беспочвенны.

Сначала Крэнфилд согласился с моим предложением заручиться поддержкой адвоката, хотя ни одному из нас совсем не хотелось прибегать к помощи тяжелой артиллерии. Затем совершенно случайно Крэнфилд встретил на одном из приемов своего старого приятеля, недавно ставшего членом дисциплинарного комитета, и потом сообщил мне результаты их беседы. «Нам совершенно ни к чему тратиться на адвоката. Монти Миджли шепнул мне на ухо, что, по мнению дисциплинарного комитета, оксфордцы погорячились, он не сомневается, что результат скачки не был подстроен и беспокоиться не стоит: расследование станет пустой формальностью. Минут десять, и полный порядок».

Это успокоило нас обоих. Мы не насторожились и тогда, когда три-четыре дня спустя полковник сэр Монтегю Миджли свалился с желтухой и было объявлено, что расследования в ближайшие недели станут проводиться под председательством одного из членов дисциплинарного комитета лорда Гоуэри.

Желтуха Монти Миджли оказалась коварным врагом. Какие бы намерения ни вынашивал относительно нашего дела Миджли, стало ясно, что лорд Гоуэри имел совершенно иное мнение на этот счет.

Расследование происходило в большом, обставленном роскошной мебелью зале штаб-квартиры Жокей-клуба на Портман-сквер. По одну сторону длинного полированного

стола расположились в креслах четыре стюарда. Перед каждым из них высилась кипа бумаг, а за маленьким столиком чуть поодаль и справа от них помещался стенографист. Когда мы с Крэнфилдом вошли, он как раз разматывал шнур от магнитофона, стоявшего на его столике, чтобы установить микрофон на столе, за которым сидели стюарды.

Он поставил микрофон перед лордом Гоуэри, включил его, подул в него пару раз, вернулся к магнитофону, пощелкал клавишами и объявил, что у него все готово.

За спинами, чуть поодаль стюардов, располагались еще кресла. На них размещались распорядители скачек в Оксфорде и другие чиновники, без которых не обходится ни одно такое разбирательство.

Мы с Крэнфилдом должны были сидеть напротив стюардов, но в нескольких футах от стола. Нам тоже отвели кресла, причем очень роскошные. Все вполне культурно. Никаких орудий пытки. Мы уселись. Крэнфилд закинул ногу на ногу – уверенный в себе, спокойный человек.

Мы с Крэнфилдом были отнюдь не родственные души. Он унаследовал большое состояние от отца, фабриканта мыла, который, несмотря на щедрые пожертвования самым разным нужным организациям, так и не добился желанного титула пэра. Сочетание денег и неосуществленных социальных амбиций превратило Крэнфилда-сына в невероятного сноба. Он был убежден, что коль скоро я на него работаю, то со мной можно обращаться как с прислугой. Крэнфилд не умел

обращаться с прислугой.

Однако тренером он был неплохим. Кроме того, у него были богатые друзья, которые могли позволить себе держать дорогих лошадей. Я выступал у него с небольшими перерывами уже восемь лет, и, хотя поначалу его снобизм выводил меня из себя, со временем я стал находить его манеры забавными. Но и теперь нас связывали исключительно деловые отношения. Ни намека на приятельство. Он возмутился бы при мысли, что между нами может быть что-то, кроме профессиональных контактов, да и я не настолько хорошо к нему относился, чтобы мечтать о дружбе с ним.

Крэнфилд был старше меня лет на двадцать – высокий, худой, типичный англосакс, с редеющими волосами мышиного цвета, серо-голубыми глазами, с короткими светлыми ресницами, красивым прямым носом и прекрасными, агрессивно поблескивающими зубами.

Крэнфилд привык соблюдать дистанцию и любезничал лишь с теми, кто мог помочь ему подняться выше по социальной лестнице. С теми, кого он считал ниже себя, он держался надменно, и они платили ему плохо скрытой неприязнью. Он был мил с друзьями и подчеркнуто вежлив с женой на людях. Его трое детей от одиннадцати до девятнадцати лет подражали заносчиво-надменной манере отца с таким усердием, что хотелось их пожалеть.

Незадолго до расследования Крэнфилд сказал мне, что оксфордские стюарды, в общем-то, приличные ребята и что

двое из них лично извинились перед ним за то, что дело было передано в дисциплинарный комитет. Я молча кивнул. Крэнфилд не хуже меня знал, что всех трех его членов выбрали на этот пост исключительно благодаря их положению в обществе. Один из них не видел ничего дальше пяти шагов, второй, унаследовав чистокровных верховых лошадей своего дядюшки, не унаследовал его знаний и опыта. Что же касается третьего, то кто-то слышал, как во время скачки он спрашивал своего тренера, которая из лошадей принадлежит ему. Ни один из них не разобрался в скачках даже на уровне спортивного комментатора. Они могли быть вполне приличными людьми, но в роли судей и знатоков выглядели ужасно.

– Сейчас мы посмотрим заснятую на пленку скачку, – возвестил лорд Гоуэри.

Проектор находился в конце зала, а экран на противоположной стене, за нашими с Крэнфилдом спинами. Мы повернули свои кресла, чтобы быть лицом к экрану. Представитель ипподрома Оксфорда, надутый толстяк, встал у экрана и остановил на Уроне длинную указку.

– Вот лошадь, о которой идет речь, – сказал он.

Лошади между тем собирались на старте. Мне подумалось, что, если бы члены комитета знали свое дело, они бы уже несколько раз просмотрели фильм и не нуждались бы в пояснениях.

Толстяк тем не менее постоянно указывал, где находится Урон. Скачка разворачивалась по самому обычному сце-

нарию. Фавориты поначалу держались в тени, предоставляя право лидировать желающим. Затем выход в основную группу, шедшую за лидерами, а после двух миль наращивание темпа, рывок у предпоследнего барьера и затем полный вперед! Если лошадь любит такую езду и находится в приличной форме, она побеждает.

Урон не признавал никакой другой тактики. Если все складывалось нормально, он был неуправляем. К несчастью, в тот день фортуна отвернулась от него.

На экране было видно, как у предпоследнего барьера Урон вышел вперед. Приземлился он покачнувшись – верный признак усталости. Мне пришлось изо всех сил качать поводьями, чтобы он не сбавил темпа на подходе к последнему препятствию. Когда оно было преодолено и впереди оставалось гладкое пространство, Урон стал спотыкаться, и, если бы я не проявил неумолимую настойчивость, он просто-напросто перешел бы на трот¹. У самого столба нас догнал резво финишировавший Вишневым Пирог и обошел словно стоячих.

Экран потух, и вспыхнул свет. Я решил, что просмотр всех убедит в нашей невиновности и на этом расследование закончится.

– Вы не применили хлыст, – обвиняющим тоном сказал лорд Гоуэри.

¹ Нерезвая рысь.

– Нет, сэр, – сказал я. – Урон боится хлыста. Он идет только на поводьях.

– Вы и не пытались подавать на финишной прямой!

– Пытался, и еще как! Он просто смертельно устал, на экране это видно.

– На экране было видно одно: вы и не пытались выиграть. Вы ехали только что не сложа руки, совершенно не собираясь быть первым.

Я пристально на него посмотрел:

– Урон – трудный жеребенок в езде. Он готов побороться, но только если он в хорошем настроении. С ним надо обращаться вежливо. Если ударить хлыстом, он вообще может остановиться. Он слушается только поводьев и голоса жокея.

– Это верно, – вставил Крэнфилд. – Я всегда прошу Хьюза обращаться с жеребенком как можно бережнее.

Словно не слыша нас, лорд Гоуэри повторил:

– Хьюз даже не поднял хлыст.

Он вопросительно посмотрел на двух членов комитета, сидевших справа и слева от него, словно ожидая их мнения. Сидевший слева, еще не старый человек, в свое время выступавший как жокей-любитель, безучастно кивнул. Тот, кто был справа, просто дремал.

Судя по всему, Гоуэри пихнул его ногой под столом, потому что он дернулся, открыл глаза и, пробормотав: «Да-да, конечно», подозрительно уставился на меня.

«Это же самый настоящий фарс, – с удивлением думал

я. – Чертова комедия!»

Гоуэри удовлетворенно кивнул:

– Хьюз даже не поднял хлыст.

Толстяк излучал самодовольную учтивость:

– Я полагаю, есть смысл посмотреть еще одну пленку, сэръ?

– Пожалуй, – согласился лорд Гоуэри. – Давайте посмотрим.

– Что это за пленка? – осведомился Крэнфилд.

– Скачка, состоявшаяся в Рединге третьего января, – пояснил лорд Гоуэри. – Та, которую выиграл Урон.

– Я тогда в Рединге не был, – сказал Крэнфилд после небольшой паузы.

– Вот именно, – согласился лорд Гоуэри. – Вместо этого вы, кажется, отправились на ипподром в Вустер. – В его устах констатация вполне невинного факта прозвучала крайне зловеще. В Вустере тогда выступал молодой жеребчик, которого Крэнфилд хотел посмотреть в деле. Что касается Урона, то у него была уже устоявшаяся репутация звезды, и в тренерском присмотре он не нуждался.

Снова погас свет. Снова толстяк занял место у экрана и, вооружившись указкой, ткнул в жокея Келли Хьюза в черном камзоле с белыми шевронами и черном картузе, в которых он обычно выступал на Уроне. Эта скачка складывалась совершенно не так, как «Лимонадный кубок». Я возглавил скачку со старта, затем где-то на половине дистанции отошел на третье место, чтобы дать лошади чуть передохнуть, а впе-

ред вышел только после последнего препятствия, энергично работая хлыстом и всю «качая» поводьями.

Фильм кончился, вспыхнул свет, и в зале повисло тяжелое укоризненное молчание. Крэнфилд нахмуренно уставился на меня.

– Вы, надеюсь, не станете отрицать, Хьюз, – иронически проговорил лорд Гоуэри, – что на сей раз вы воспользовались хлыстом?

– Не стану, сэр, – согласился я. – А что это была за скачка?

– Последняя скачка третьего января в Рединге, – раздраженно ответил он. – Не делайте вид, что вы этого не знаете.

– На пленке действительно была последняя скачка того дня в Рединге, сэр. Но Урон в ней не участвовал. В ней выступал Скиталец. Как и Урон, он тоже принадлежит мистериу Джесселу, и потому я на них выступаю в одном и том же черном камзоле. Кроме того, у обеих лошадей общий производитель, поэтому они весьма похожи. Но на этой пленке Скиталец, который, как вы могли убедиться, прекрасно реагирует на хлыст, даже если им только помахать.

Воцарилось гробовое молчание, которое нарушил, покашляв, Крэнфилд:

– Хьюз прав. Это действительно Скиталец.

Не без удивления я подумал, что он сообразил это, только когда я указал на ошибку. До чего же легко люди верят в то, что внушают им другие.

Собравшиеся стали перешептываться. Я не вмешивался:

пусть разбираются сами.

Наконец лорд Гоуэри осведомился:

– Где тут у нас журнал с результатами скачек?

Человек, сидевший ближе всех к двери, поднялся и вышел. Вскоре он вернулся с журналом. Лорд Гоуэри открыл его и вперился взглядом в страницу с результатами скачек в Рединге.

– Судя по всему, – мрачно изрек он, – мы ошиблись с пленкой. Урон выступал в шестой скачке, а, как правило, она последняя на редингском ипподроме. Но в тот день состоялась дополнительная, седьмая, скачка с участием молодых лошадей. Скиталец выиграл седьмую скачку. Произошла вполне объяснимая накладка.

Я бы назвал эту накладку совершенно необъяснимой и даже преступной, но вслух не сказал ничего, полагая, что это вряд ли мне поможет.

– Не могли бы мы, сэ, – вежливо осведомился я, – посмотреть правильную пленку – ту скачку, которую выиграл Урон?

Лорд Гоуэри прокашлялся и проямлил:

– Мне кажется... Ее вроде бы у нас сейчас нет. Впрочем, – быстро поправился он, – она нам не нужна. Это не меняет дела. Сейчас мы разбираем не редингскую, а оксфордскую скачку.

Я остолбенел. Я просто не мог поверить своим ушам.

– Но, сэ, если вы просмотрите скачку с участием Урона,

то обратите внимание, что и в Рединге, и в Оксфорде я водил его по дистанции совершенно одинаково – без хлыста.

– Это не имеет никакого значения, Хьюз. Возможно, в Рединге Урону хлыст был и ни к чему, но в Оксфорде он оказался бы просто необходимым.

– Сэр, все это как раз крайне существенно. В Оксфорде я управлял Уроном точно так же, как и в Рединге, но на этот раз он слишком устал, чтобы выиграть.

Лорд Гоуэри полностью проигнорировал мои слова. Он посмотрел на своих коллег справа и слева и сказал:

– Не будем тратить время попусту. До перерыва на ланч нам еще надо выслушать троих-четверых свидетелей.

Стюард, который до этого дремал, кивнул и взглянул на часы. Тот, что помоложе, тоже кивнул, стараясь не смотреть в мою сторону. Я хорошо помнил, когда он был жокеем, и не раз выступал вместе с ним. Когда он стал стюардом, мы очень обрадовались, решив, что наконец-то там появился человек, по собственному опыту знающий, какие ловушки порой ожидают самых стопроцентных фаворитов, и думали, что он будет отстаивать нашу жокейскую правду. Глядя на его унылое, виноватое лицо, я понял, что надежды наши неосновательны. Пока он не произнес ни единого слова и выглядел почему-то испуганным.

Когда он был просто Эндрю Трингом, то славился легким, открытым характером и неустрашимостью перед барьерами. Недавно унаследованный им титул баронета, а также избра-

ние стюардом, как свидетельствовало сегодняшнее заседание, придавили его тяжким бременем.

Что касается пожилого сони, лорда Плимборна, то я практически ничего о нем не знал. Ему было явно за семьдесят, и в его движениях ощущался легкий тремор, словно старость потихоньку трясла его, вскоре надеясь повалить наземь.

Расследование обычно проводится тремя стюардами, но сегодня их было четверо. Четвертый, Уайкем, второй барон Ферт, сидевший слева от Тринга, не был, насколько мне известно, членом дисциплинарного комитета. Но кипа бумаг, лежавших перед ним, оказалась ничуть не меньше, а может, и больше, чем у остальной троицы, и он бросал по сторонам подозрительные искрометные взгляды. Я никак не мог понять, в чем заключался его интерес, но в том, что такой интерес существовал, я не сомневался ни секунды.

Он был единственным из четверки, на кого произвела впечатление накладка с фильмом, и сказал хоть и негромко, но достаточно внятно, чтобы услышали мы с Крэнфилдом:

– Если вы помните, я был против показа редингской скачки.

Лорд Гоуэри метнул в него ледяное копьё взгляда, которое наповал сразило бы тех, у кого кожа потоньше, чем у Ферта, но, угодив в раскаленную печь внутреннего «я» барона, оно тотчас же растаяло.

– Вы согласились помалкивать, – столь же тихо, но внятно возразил Гоуэри. – Я был бы вам признателен, если бы вы

сдержали ваше обещание.

Крэнфилд заерзал рядом со мной, не в силах скрыть изумления. Теперь, вспоминая этот полный яда обмен репликами, я счел его еще более загадочным. Что, спрашивается, делал Ферт на заседании комитета, в который он не входил и где явно не пользовался влиянием?

Мои мысли перебил звонок телефона. Я пошел взять трубку в гостиную. Звонил жокей Джим Эндерс выразить сочувствие коллеге. Он сказал, что три-четыре года назад сам был лишен права езды и прекрасно помнил, что тогда пережил.

– Спасибо, Джим, что позвонил.

– Не за что, старина. Надо держаться заодно! Как все прошло?

– Паршиво. Они не слушали ни меня, ни Крэнфилда. Они заранее решили, что мы кругом виноваты.

Джим усмехнулся:

– Неудивительно. Знаешь, что случилось тогда со мной?

– Нет, а что?

– Когда мне решили вернуть мою лицензию, они назначили заседание комитета на вторник, а потом по каким-то причинам решили отложить на четверг. Являюсь я туда в четверг днем, они начинают что-то мямлить, тянуть резину, учат, как себя вести в будущем, а потом, подержав меня в напряжении, сообщают, что я снова могу выступать. Тогда я

решил захватить с собой «Скаковой календарь», чтобы быть в курсе всех последних событий, а он, как известно, выходит по четвергам в двенадцать часов – обрати внимание – в двенадцать! Открываю я его, и первое, что бросается мне в глаза, – это сообщение о том, что я восстановлен в своих правах. Неплохо, да?! Результат разбирательства опубликован за несколько часов до его начала!

– Чудеса, и только, – сказал я.

– Но это так! Причем учти, мне возвращали лицензию, не отбирали! И все равно решили все загодя. Никак не могу понять, зачем им было созывать то второе заседание, это же чистая трата времени, старина!

– Фантастика, – отозвался я, хотя, откровенно говоря, после того как я сам побывал на заседании дисциплинарного комитета, эта история показалась мне вполне правдоподобной.

– Когда они собираются вернуть тебе лицензию? – спросил Джим.

– Они не сказали.

– И даже не сообщили, когда можно подать апелляцию?

– Нет.

Джим произнес одно очень грубое слово.

– Учти, старина, очень важно выбрать правильный момент, когда подавать прошение о помиловании.

– То есть?

– Я подал свое заявление ровно в тот день, когда имел

право это сделать, но выяснилось, что стюард, который был уполномочен решать такие дела, отправился в путешествие на Мадейру и мне придется ждать его возвращения.

Глава 2

Когда к полудню лошади вернулись со второй тренировки, на лестнице послышались шаги и ко мне ввалился мой кузен Тони, пачкая мой ковер навозом и соломой. Собственно, жил я в его конюшне, а не у Крэнфилда. У него было тридцать две лошади в тридцати боксах, один дом, одна жена, четверо детей и превышение кредита в банке. На подходе имелось еще десять боксов и один ребенок, а дефицит принимал угрожающие размеры. Я жил один в квартирке, выходящей на конюшенный двор, и скакал на всех лошадях, которых мне предлагали.

Все было в норме. И за три года, что я жил здесь, даже вполне успешно. Но моя дисквалификация означала, что Тони и прочие владельцы лошадей должны искать себе другого жокея.

Он мрачно плюхнулся в кресло зеленого бархата.

– Ты в порядке?

– В порядке, – сказал я.

– Ради бога, налей что-нибудь выпить.

Я налил ему щедрую порцию виски в низкий приземистый стаканчик.

– Лед положить?

– Не надо.

Я вручил ему стакан, и он начал расправляться с виски и

приходить в себя.

Наши матери были валлийками и сестрами. Моя вышла замуж за местного молодого человека – и из меня получился настоящий кельт: невысокий, смуглый, компактный. Моя тетка завела роман с гигантом-блондином (шесть футов четыре дюйма роста) из Вайоминга, который передал сыну Тони свои физические данные в полном объеме, а интеллект – в половинном. Демобилизовавшись из ВВС США, отец Тони стал работником на ранчо, а вовсе не его владельцем, как он давал понять родственникам жены. Он был убежден, что его сыну гораздо больше поможет в жизни умение хорошо ездить верхом, чем вся эта сомнительная книжная премудрость.

Неудивительно, что Тони с удовольствием прогуливал школьные занятия и никогда не пожалел об этом. Впервые я встретил его, когда ему было уже двадцать пять и он после смерти отца привез безутешную мать-вдову обратно в Уэльс. За семь последующих лет он успел приобрести английскую жену, полуанглийский акцент, неплохое знание английской скаковой жизни, работу помощника тренера, а затем собственную конюшню. А попутно и неутолимую английскую жажду. Страсть к хорошему шотландскому виски.

– Ну и что ты теперь собираешься делать? – осведомился он, глядя в стакан на сильно уменьшившийся запас виски.

– Еще не решил.

– Вернешься домой?

– Вряд ли. Я слишком далеко заехал.

Он чуть поднял голову и с улыбкой оглядел комнату. Простые белые стены, толстый коричневый ковер, бархатные кресла разных оттенков зеленого, тяжелые оранжево-розовые полосатые шторы из дорогой ткани.

– Это точно, – согласился он. – Далековато для мальчишки с валлийской фермы.

– Да и ты, между прочим, давненько не бывал в своей прерии.

Он покачал головой:

– Я все-таки сохранил корни. А ты их утратил.

Проницательный человек мой кузен! Редкое сочетание наблюдательности и соломы в волосах. Он был прав! Я вытряхнул солому из своей шевелюры. Мы прекрасно ладили друг с другом.

– Мне хотелось бы поговорить с кем-то, кто присутствовал на предыдущем разборе, – коротко сказал я.

– А я думал, тебе хотелось бы поскорее забыть об этом, – отозвался он. – Что толку обмениваться грустными воспоминаниями.

Я засмеялся, а в моем теперешнем состоянии это уже было кое-что!

– Дело не в обмене обидами, – сказал я. – Просто мне хочется понять, насколько типично вчерашнее заседание для подобных разборов. Я говорю о формальной стороне процедуры. Другой вопрос, что все доказательства сфабрикованы.

– Ах вот, значит, о чем ты бормотал на обратном пути вчера. Вот к чему относились те несколько фраз, что слегка разбавили твое молчание.

– Именно, – сказал я. – Они не поверили ни единому нашему слову.

– Так кто и что сфабриковал?

– Я и сам бы хотел услышать на это ответ.

Он протянул мне опустевший стакан, и я подлил еще виски.

– Ты серьезно?

– Вполне. Из пункта А – мое утверждение, что я ехал на победу, – мы прибываем в пункт Б – убеждение стюардов, что я умышленно отдал скачку. По пути мне встречаются три-четыре маленькие птички, которые щебечут откровенную ложь.

– В руинах что-то шевелится! – сказал Тони.

– В руинах?

– Да, в руинах, что остались от тебя.

– А!

– Тебе следует больше пить, – посоветовал Тони. – Сделай над собой усилие. Начни прямо сейчас.

– Я подумаю.

– Подумай! – Тони встал с кресла. – Пора домой. Пора кормить маленьких птенчиков, раскрывших клювики в ожидании червячков.

– Сегодня у вас на ланч червячки?

– Бог его знает. Поппи сказала, чтобы ты приходил, если есть настроение.

Я отрицательно покачал головой.

– Тебе же надо питаться! – воскликнул Тони.

– Надо.

Тони изучающе посмотрел на меня.

– Мне кажется, – наконец произнес он, – что ты выкарабкаешься. – Он поставил на стол пустой стакан. – Учти, если что, мы рядом. Накормим, напоим, пообщаемся. Позовем танцовщиц и все такое прочее.

Я кивнул в знак благодарности, и он загрохотал вниз по лестнице. Тони ни словом не обмолвился о лошадях, скачках, а главное, о жокеях, которых ему придется использовать вместо меня. Он не сказал, что, оставаясь в этой квартире, я создаю для него определенные сложности.

Я не знал, как поступить. Это был мой дом. Мой единственный дом, обставленный, перестроенный, декорированный по моему плану. Мне здесь нравилось и страшно не хотелось никуда переезжать.

Я зашел в спальню.

Кровать двуспальная, но подушка одна.

На комод в серебряной рамке фотография Розалинды. Мы были женаты два года и собирались провести традиционный уик-энд с ее родителями. В субботу я скакал пять раз на ипподроме Маркет-Рейсен, и в конце скачек в комнату, где взвешивались жокеи, вошел полицейский и спокойно со-

общи́л, что мой тесть ехал в машине в гости к друзьям, не рассчитал дистанции при обгоне на мокром шоссе и столкнулся со встречным грузовиком. Он, а также его жена и дочь сразу же скончались.

Это случилось четыре года назад. Иногда – и весьма часто! – я не мог вспомнить голос Розалинды. Иногда же мне казалось, что она в соседней комнате.

Сейчас мне очень хотелось, чтобы Розалинда была рядом. Мне не хватало ее бурного темперамента и пылкой преданности. Мне бы рассказать ей о случившемся, пожаловаться на несправедливость, услышать слова утешения...

Ох уж это расследование!

Первым свидетелем лорда Гоуэри стал жокей, оставшийся в «Лимонадном кубке» третьим в двух-трех корпусах сзади от Урона. Двадцатилетний круглолицый Чарли Уэст обладал неплохими задатками, не соединявшимися, однако, с самодисциплиной. Он был слишком высокого мнения о себе и считал, что соблюдать правила должны все, кроме него самого.

Внушительные интерьеры Жокей-клуба на Портман-сквер и вся атмосфера расследования, похоже, произвели на него сильное впечатление. Он неуверенно вошел и застыл там, где ему было велено находиться, – у края стола стюардов, слева от них и, значит, справа от нас. Он смотрел в стол и за все время поднял глаза раз или два. Он так и не

взглянул ни на Крэнфилда, ни на меня.

Гоуэри спросил его, помнит ли он, как складывалась скачка.

– Да, сэр, – прошелестел он.

– Говорите громче, – раздраженно бросил Гоуэри.

Стенографист встал со своего места и передвинул микрофон поближе к Чарли Уэсту. Тот откашлялся.

– Что же произошло во время скачки?

– Видите ли, сэр... Рассказать все с начала?

– Нет нужды вдаваться в незначительные детали, Уэст, – нетерпеливо возразил Гоуэри. – Расскажите нам только о том, что случилось на дальней стороне, на втором круге.

– Понятно, сэр... Значит, Келли... Точнее, Хьюз, сэр... Так вот, Хьюз, сэр... В общем, он...

– Уэст, говорите по существу. – Голос Гоуэри резал, как бритва. Шея Уэста побагровела. Он судорожно сглотнул:

– Там, на дальней стороне, где не видно трибун, на какое-то время, буквально на несколько секунд... В общем, сэр, Хьюз сильно взял на себя...

– Что он сказал при этом, Уэст?

– Он сказал, сэр: «О'кей, притормозим, ребята!»

Несмотря на то что в комнате стояла такая тишина, что можно было услышать, как падает булавка, и все прекрасно слышали слова Уэста, лорд Гоуэри с нажимом сказал:

– Будьте добры повторить ваши слова еще раз, Уэст.

– Сэр, Хьюз сказал: «О'кей, притормозим, ребята!»

– Что, по-вашему, это означало, Уэст?

– Ну вроде как он не очень старался, сэр... Не очень старался выиграть. Он всегда говорит это, когда берет на себя.

– Всегда?

– Ну, иногда...

Наступило молчание. Затем Гоуэри сказал официальным тоном:

– Мистер Крэнфилд... Хьюз... Можете задать свидетелю вопросы.

Я медленно встал с кресла.

– Утверждаете ли вы на полном серьезе, – с горечью осведомился я, – что в розыгрыше «Лимонадного кубка» я взял на себя Урона и сказал: «О'кей, притормозим, ребята!»?

Уэст кивнул. Он сильно вспотел.

– Пожалуйста, отвечайте словами, – попросил я.

– Да, вы это сказали.

– Я ничего не говорил.

– Я сам слышал.

– Этого не могло быть.

– Я хорошо слышал.

Я замолчал. Я просто не знал, что еще можно сказать. Это походило на какую-то детскую игру: сказал – не сказал – сказал – не сказал.

Я сел. Стюарды и прочие официальные представители, сидевшие за ними, смотрели на меня. Я видел, что они все до одного поверили Уэсту.

– Скажите, Хьюз, вы действительно употребляете эту фразу? – Голос Гоуэри был едким, словно серная кислота.

– Нет, сэр.

– Вы никогда не произносили ничего подобного?

– По крайней мере, в розыгрыше «Лимонадного кубка» не произносил, сэр.

– Я хочу знать, Хьюз, вы никогда не произносили ничего подобного?

Солгать или нет?

– Да, сэр, пару раз я действительно произносил эти слова, но не в розыгрыше «Лимонадного кубка» и не когда я выступал на Уроне.

– Довольно того, что вы их произносили. Мы сами разберемся, когда именно.

Он положил какую-то бумажку на дно кипы, взял другую. Глянув на нее небрежным взглядом человека, знающего свой предмет наизусть, он продолжал:

– А теперь скажите нам, Уэст, что сделал Хьюз, когда произнес эти слова?

– Сэр, он взял лошадь на себя.

– Как вы это поняли? – Вопрос был чистойшей формальностью. Гоуэри прекрасно знал ответ: это было видно по тону, каким он спрашивал.

– Когда Хьюз сказал про тормоза, я скакал рядом с ним. Затем он вроде бы слегка сгорбился и дернул лошадь, а после этого оказался сзади меня.

– Но скачку он закончил впереди вас, – злобно сказал Крэнфилд.

– Да, сэр. – Чарли Уэст метнул взгляд на лорда Гоуэри и уже не отводил от него глаз. – У меня лошадь старая, совсем выбилась из сил, и Хьюз обошел меня у предпоследнего барьера...

– А как Урон преодолел этот барьер?

– Легко, сэр. Вовремя прыгнул, хорошо приземлился...

– Хьюз утверждает, что к этому времени Урон сильно устал.

Чарли Уэст сделал маленькую паузу, прежде чем ответить. Наконец он сказал:

– На этот счет мне ничего не известно. Я-то был уверен, что Урон выиграет. Я и сейчас считаю, что он должен был выиграть. Такая сильная лошадь...

Гоуэри посмотрел вправо и влево от себя, словно желая удостовериться, что его коллеги усвоили информацию Уэста.

– С позиции, которую вы занимали на последней стадии скачки, Уэст, было ли вам видно, как себя вел Хьюз – прилагал он усилия, чтобы выиграть, или нет?

– Да вроде бы он не очень старался – я даже удивился.

– Удивились? Чему же?

– Тому, как скакал на финише Хьюз. Он, вообще-то, большой артист...

– Артист? В каком смысле?

– Он умеет сделать вид, что старается изо всех сил выиграть, а на самом деле держит лошадь вовсю.

– Хьюз имеет обыкновение выступать, не стремясь к победе?

Уэст отработал до конца:

– Да, сэръ.

– Благодарю вас, Уэст, – произнес лорд Гоуэри с весьма неискренней вежливостью. – Можете пройти и сесть вон там, сзади.

Чарли Уэст шмыгнул, как кролик, к ряду стульев, предназначенных для тех, кто закончил давать показания. Крэнфилд резко повернулся ко мне и набросился с упреками:

– Почему вы так вяло отрицали все это, Хьюз? Почему, черт возьми, вы не сказали, что он все придумал?!

– По-вашему, они бы мне поверили?

Он уныло покосился на шеренгу наших судей и прочитал ответ на свои вопросы в их каменных лицах. Тем не менее он встал и ринулся в бой:

– Лорд Гоуэри, демонстрация пленки розыгрыша «Лимонадного кубка» не подтверждает обвинений Уэста. Хьюз ни разу не брал на себя Урона.

Я поднял руку, чтобы остановить его, но поздно. На лицах Гоуэри и Ферта отразилось полное удовлетворение. Они знали не хуже меня, что сказанное Уэстом подтверждалось пленкой. Почувствовав, что Урон начинает уставать, я действительно дал ему передохнуть примерно за милю до фини-

ша, но теперь этот нормальный маневр стал причиной превратных толкований.

Крэнфилд удивленно уставился на меня, не понимая причин моего вмешательства.

– Я дал ему немного отдохнуть, – извиняющимся тоном пояснил я. – Это видно на пленке.

Он нахмурился и сел, погрузившись в мрачные раздумья.

– Пригласите мистера Ньютоннардса, – как ни в чем не бывало говорил между тем лорд Гоуэри одному из чиновников.

Прежде чем этот самый неизвестный мне мистер Ньютоннардс вошел, возникла небольшая пауза. Лорд Гоуэри слегка повернул голову влево, глядя на дверь, позволив мне полюбоваться его патрицианским профилем. Я внезапно с каким-то испугом понял, что не знаю ровным счетом ничего о нем как о человеке, а он, в свою очередь, обо мне. Для меня он олицетворял авторитет и власть. Я не оспаривал его права вершить надо мной суд. Я лишь наивно надеялся, что он проявит мудрость, честность и справедливость.

Иллюзии, иллюзии. Он обрабатывал свидетелей так, что судейские из Олд-Бейли, окажись они в этом зале, не знали бы, куда деться от смущения. Он услышал святую истину в клевете Чарли Уэста и ложь в моих честных признаниях.

Благоговение, которое я еще недавно испытывал по отношению к этому человеку, исчезло как тополиный пух на ветру, а вместо него во мне росло циничное недоверие. Кроме

того, мне было стыдно перед самим собой за былую доверчивость. В конце концов, учитывая образование, которое я получил, я мог бы разбираться в людях получше.

Наконец появился мистер Ньютоннардс и проследовал к тому концу стола, где было отведено место для свидетелей. В петлице у него был розовый бутон, а в руках большой голубой гроссбух. В отличие от Чарли Уэста он ничуть не нервничал, а был абсолютно уверен в себе. Увидев, что все вокруг сидят, он стал искать взглядом стул для себя и, не найдя такового, спросил, нельзя ли присесть.

После едва заметной паузы лорд Гоуэри кивнул, и прислуга-за-все у дверей подала стул свидетелю. Мистер Ньютоннардс бережно опустил в кресло свое облаченное в серебристо-серый костюм тело.

– Кто это? – спросил я у Крэнфилда. Крэнфилд промолчал и лишь отрицательно покачал головой, хотя явно знал, кто пожаловал, потому что нахмурился еще сильнее.

Эндрю Тринг пролистал свои бумажки и, найдя нужную, извлек ее из кипы. Лорд Плимборн снова прикрыл глаза. Я, собственно, этого и ожидал. Впрочем, это дела не меняло, потому что я видел, что решения принимали лорды Гоуэри и Ферт, а Энди Тринг и Плимборн выполняли чисто декоративные функции.

Лорд Гоуэри тоже выудил какую-то бумажку, и снова у меня возникло впечатление, что он наизусть знает ее содержание.

– Мистер Ньютоннардс?

– Да, милорд. – У него был легкий акцент кокни, стершийся от многолетнего употребления шампанского и сигар. Лет ему пятьдесят пять, предположил я. Не дурак, знает жизнь и имеет друзей в шоу-бизнесе. Я не слишком ошибся. Оказалось, мистер Ньютоннардс был букмекером.

Гоуэри сказал:

– Мистер Ньютоннардс, не будете ли вы так добры рассказать нам о пари, которое с вами заключили в день розыгрыша «Лимонадного кубка».

– Да, милорд. Стою я как обычно, вдруг подходит клиент и просит меня принять полсотни на Вишневого Пирога. – Он замолк, словно сообщил все самое важное.

Гоуэри решил чуть подтолкнуть его:

– Пожалуйста, опишите нам этого человека и также скажите, как вы отреагировали на его просьбу.

– Описать этого человека? Так-так... Ничего особенного... Крупный мужчина в коричневом плаще и фетровой шляпе, через плечо – бинокль. Средних лет. Вроде бы у него были усы. Но точно не скажу.

Описание подходило к половине посетителей скачек.

– Он спросил меня, из какого расчета я принимаю ставки на Вишневого Пирога, – продолжал мистер Ньютоннардс. – Поскольку эта лошадь была явным аутсайдером, я не вывешивал на нее расценки. Я предложил один к десяти, но он сказал, что это мало, и стал собираться уходить. Видите ли, –

Ньютоннардс выразительно махнул пухлой рукой, – клиентов в тот день было не много, и я предложил ему один к восемнадцати. Щедрей не придумаешь, поскольку в скачке участвовало всего-то восемь лошадей. Давно я так не ошибался... – На его ухоженном лице изобразилась мужественная печаль.

– Значит, когда Вишневый Пирог победил, вам пришлось платить?

– Именно. Он поставил пятьдесят. Я выложил девятьсот.

– Девятьсот фунтов?

– Да, милорд, – подтвердил Ньютоннардс. – Девятьсот фунтов.

– Мы могли бы взглянуть на запись этого пари?

– Разумеется. – Он открыл свой голубой гроссбух на заложенной странице. – Слева, милорд, посередине. Помечен красным крестиком. Девятьсот за пятьдесят, билет номер девятьсот семьдесят два.

Гроссбух оказался на столе перед стюардами. Даже Плимборн проснулся ради такого любопытного казуса, и все четверо долго глядели на страницу. Затем гроссбух вернулся к хозяину, который захлопнул его и оставил лежать на столе перед собой.

– Это ведь немалая ставка, учитывая, что лошадь – аутсайдер? – спросил лорд Гоуэри.

– Да, большая, милорд. Но вообще-то, часто находятся чудачки, которые ставят на бог знает кого. Правда, время от вре-

мени они выигрывают...

– Но у вас не было никаких опасений насчет этого пари?

– В общем, нет, милорд, – ведь скакал Урон. Кроме того, я сам поставил часть этой суммы у другого букмекера. Из расчета один к тридцати трем. Поэтому я потерял около пятисот фунтов. Кроме того, триста двадцать фунтов я заработал в этой скачке на том, что люди играли Урона и других. Так что в конечном счете я потерял на Вишневом Пирогe сто восемьдесят пять фунтов.

Он окинул нас с Крэнфилдом взглядом, в котором отразился каждый из этих потерянных фунтов.

Гоуэри сказал:

– Нас интересует не столько сумма ваших убытков, мистер Ньютоннардс, сколько личность того, кто выиграл девятьсот фунтов на Вишневом Пирогe.

Я содрогнулся. Уж если Уэст оказался способным на ложь, чего ожидать от остальных.

– Как я уже сказал, милорд, я не знаю его имени. Когда он подошел, мне показалось, что я где-то уже с ним встречался, но, видите ли, мне по роду деятельности приходится встречаться со многими, очень многими, и я тогда не придал этому никакого значения. Вы меня понимаете... Только когда я ехал к себе домой, я вспомнил – и мне стало не по себе...

– Пожалуйста, объяснитесь точнее, – терпеливо произнес Гоуэри. Терпение кошки, караулящей мышь у норки. Предвкушение удачи, придающее ожиданию особую сладость.

– Дело было не в нем самом, а в том, с кем он говорил. Он стоял у перил круга, где лошади выезжают на парад. Это было перед первой скачкой. Сам не знаю почему, но я это запомнил.

– С кем же говорил ваш клиент?

– С ним. – Он ткнул пальцем в нашу сторону. – С мистром Крэнфилдом.

Крэнфилд вскочил на ноги.

– Вы намекаете на то, что я посоветовал вашему клиенту сыграть Вишневого Пирога? – спросил он дрожащим от негодования голосом.

– Нет, мистер Крэнфилд, – сказал Гоуэри ледяным, как северный ветер, голосом. – Есть все основания считать, что этот человек действовал по вашему поручению и что вы сами играли Вишневого Пирога.

– Это совершеннейшая ложь!

Его горячий отпор встретил холодный прием.

– Где этот таинственный незнакомец? – бушевал Крэнфилд. – Где этот никому не известный человек, – возможно, неизвестный именно потому, что не существует в природе. Да как вы можете выступать с такой смехотворной ерундой на серьезном расследовании. Это же комедия! Самая настоящая комедия!

– Но пари было заключено, – отрезал Гоуэри, показывая на голубой грессбук.

– И я видел, как вы разговаривали с моим клиентом, –

вторил ему Ньютоннардс.

Крэнфилд от бешенства лишился дара речи, и в конце концов он плюхнулся в кресло, не сумев, как и я, найти такие аргументы, которые нарушили бы сложившееся у наших судей стойкое предубеждение против нас.

– Мистер Ньютоннардс, – спросил я, – вы бы узнали этого человека?

Поколебавшись ничтожную долю секунды, он ответил утвердительно.

– Вы встречали его на скачках после розыгрыша «Лимонадного кубка»?

– Нет, не встречал.

– Если он снова вам попадется, сможете ли вы указать его лорду Гоуэри?

– Если лорд Гоуэри будет в тот день на скачках. – Кое-кто из присутствовавших официальных лиц улыбнулся, но Ньютоннардс, надо отдать ему должное, к ним не присоединился.

Больше никаких вопросов к нему у меня не возникло. Ни я, ни Крэнфилд не продвинулись вперед ни на шаг. Я был взбешен. По собственной инициативе мы позволили затащить нас в то прошлое, когда ответчики на подобных расследованиях не имели права прибегать к помощи юристов. Если они не умели самостоятельно вести собственную защиту, если они не знали, какие именно вопросы задавать и в какой форме, тем хуже! Значит, судьба отворачивалась от них. Но здесь-то судьба ни при чем! Здесь мы сами виноваты.

ты в том, что расследование приняло такой оборот. Любой мало-мальски дельный юрист разорвал бы Ньютоннардса с его показаниями в ключья, но ни я, ни Крэнфилд не знали, как это делается.

Крэнфилд, впрочем, предпринял попытку. Он снова вскочил на ноги:

– Я не только не играл Вишневого Пирога. Я ставил на Урона и проиграл – можете проверить у моего букмекера.

Гоуэри проигнорировал эту реплику. Крэнфилд еще раз повторил ее.

– Возможно-возможно, – на сей раз обронил Гоуэри. – Но это к делу не относится.

Крэнфилд сел совершенно раздавленный. Я прекрасно понимал, что он сейчас чувствовал. Это было даже хуже, чем биться головой об стену. На сей раз стена сама на нас набросилась.

Ньютоннардсу было разрешено сесть, и он непринужденной походкой отправился туда, где уже сидел Чарли Уэст. Все, что он сказал, было принято без возражений. Никто не потребовал доказательств. Никто не усомнился в его показаниях. На лицах расследователей было написано полное согласие с только что услышанным. Если кто-то поставил на Вишневого Пирога и выиграл девятьсот фунтов, это, разумеется, был только Крэнфилд.

Но Гоуэри еще не закончил. С холодным удовлетворением он взял еще какую-то бумажку и сказал:

– Мистер Крэнфилд, у меня имеется письменное свидетельство некой мисс Джоан Джонс, которая работала в кассе тотализатора ипподрома в Оксфорде в день розыгрыша «Лимонадного кубка». В этой кассе продаются билеты по пять фунтов. Она утверждает, что продала десять билетов на лошадь номер восемь пожилому человеку в коричневом плаще и фетровой шляпе. У меня также имеется подобное свидетельство мистера Леонарда Робертса, работавшего в кассе оплаты в тот же день. Оба работника тотализатора хорошо запомнили клиента, поскольку это были практически единственные пятифунтовые билеты, приобретенные на Вишневого Пирога, – тем более в таком количестве. Этому человеку выплатили более тысячи ста фунтов наличными. Мистер Робертс не рекомендовал брать с собой такую большую сумку, но клиент не воспользовался его советом.

Снова наступила гробовая пауза. Крэнфилд был совершенно сбит с толку и не мог ничего придумать в свое оправдание. На этот раз я попробовал прийти ему на помощь:

– Сэр, ставил ли этот человек в тот день на других лошадей? Ставил ли он на всех, на двух-трех или поставил наугад на одну?

– Тут не было действий наугад, Хьюз.

Снова мертвая тишина.

– Но вы наводили, конечно же, справки? – спросил я.

Наводились такие справки или нет, Гоуэри не знал. Он знал только то, что было в письменных свидетельствах. Ода-

рив меня каменным взглядом, он сказал:

– Никто не поставит пятьдесят фунтов на аутсайдера, не имея достаточных оснований надеяться на его победу.

– Но, сэр...

– Впрочем, – перебил он меня, – мы наведем справки. – Он что-то записал внизу одного из свидетельств. – Мне это не представляется вероятным, но мы все же поднимем вопрос.

Сомнительно, что вынесение вердикта будет из-за этого отложено. Я не ошибся в своих сомнениях.

Глава 3

Я бесцельно расхаживал по квартире, не зная, чем заняться, что предпринять. Снова согрел кофейник. Выпил кофе. Попытался написать письмо родителям, но сил у меня хватило только на полстраницы, после чего я оставил эту затею. Решил подумать о своем будущем. Ничего не вышло.

Я был разбит, уничтожен.

Я бездействовал.

Я не мог заставить себя что-то сделать.

Конец дня. Во дворе суета. Конюхи убирают лошадей, на-свистывают, перекрикиваются. Все как обычно. Я старался держаться подальше от окон. В конце концов ушел в спальню и лег на кровать. День угасал. Подступали сумерки.

После Ньютоннардса они вызвали Томми Тимсона, выступавшего на Пирогe. Томми Тимсон был у Крэнфилда на вторых ролях – выступал на тех лошадях, на которых Крэнфилд не возлагал особых надежд. Крэнфилд обычно работал с тремя жокеями: мной, Крисом Смитом – сейчас не выступавшим из-за травмы черепа, а также Томми. Бедняга Томми постоянно подбирал крошки, хотя заслуживал большего. Как и многие тренеры, Крэнфилд не умел распознать талант, если тот был у него под носом. Он осознал, что имеет жокея с будущим только тогда, когда тренеры меньшего калибра

стали просить у Крэнфилда одолжить им Томми.

На расследовании девятнадцатилетний заикающийся Томми являл собой жалкое зрелище. Он нервничал, словно жеребенок-двухлетка перед первым стартом, и, хотя волновался совершенно искренне, его показания были истолкованы не в нашу пользу.

Лорд Гоуэри и не пытался помочь ему успокоиться. Он просто задавал вопросы, а Томми путался в ответах.

– Какие инструкции получили вы от мистера Крэнфилда перед скачкой? Как он рекомендовал вам вести Вишневого Пирога? Он требовал от вас езды на выигрыш?

Томми, заикаясь, пробормотал, что мистер Крэнфилд велел ему всю дистанцию держаться за Уроном, а после последнего барьера попробовать обойти его.

– Он обошел Урона, потому что так сложилась езда, – пылко вставил Крэнфилд. – Никаких особых инструкций на этот счет я ему не давал!

Выслушав его, Гоуэри обернулся к Томми и еще раз спросил:

– Расскажите нам, какие указания вы получили от мистера Крэнфилда перед скачкой. Подумайте хорошенько, прежде чем отвечать.

Томми судорожно сглотнул, затравленно посмотрел на Крэнфилда и сделал вторую попытку:

– М-м-мистер Крэнфилд велел мне д-д-держаться за Уроном и п-п-по возможности не отставать от него.

– Он дал инструкцию занять первое место?

– Он с-с-сказал, конечно, д-д-давай з-з-запускай на финише и, если получится, выиграй.

Инструкции были безукоризненными. Только болезненно подозрительный ум мог увидеть в них коварный замысел. Если эти члены дисциплинарного комитета были объективны и беспристрастны, это означало, что в Сахаре вполне может выпасть снег.

– Вы не слышали, какие инструкции давал мистер Крэнфилд Хьюзу относительно тактики езды на Уроне?

– Н-нет, сэр. М-м-мистер К-к-крэнфилд вообще не давал Хьюзу никаких инструкций.

– Почему?

Томми оробел и сказал, что не знает. Крэнфилд вспылил в очередной раз, фыркнув, что Хьюз выступал на Уроне двадцать раз и сам прекрасно знает, что делать.

– Может быть, вы обсуждали план скачки раньше, с глазу на глаз?

На это Крэнфилду нечего было фыркнуть, потому что, разумеется, мы перекинулись парой слов наедине. В самых общих выражениях. Оценивая противников. Намечая общую стратегию.

– Да, мы с Хьюзом обсуждали скачку в принципе. Но никаких особых указаний он не получал.

– Значит, если верить вашим словам, – сказал Гоуэри, – вы настраивали на победу обоих ваших жокеев?

– Да, это так. Мои лошади всегда стремятся к победе.

Гоуэри покачал головой:

– Это утверждение не подкреплено фактами.

– Вы называете меня лжецом? – осведомился Крэнфилд.

Гоуэри ответил молчанием, которое явно было знаком согласия.

Томми Тимсону сказали, что он свободен, а Крэнфилд бурлил рядом со мной, словно закипевший чайник. Я же вдруг начал замерзать, и хотя в помещении было жарко на-топлено, озноб не покидал меня. Я решил, что мы уже на-слушались на сегодня достаточно, но ошибся. Они прибе-регли самое худшее напоследок. Им нужно было достойно увенчать ту пирамиду лжи, что сооружалась на протяжении всего расследования, а потом полюбоваться на собственное творение.

Поначалу худшее выглядело вполне безобидным. Вошел тихий стройный человек лет тридцати с совершенно не за-поминающимся лицом. Теперь, по прошествии суток, я не могу вызвать в памяти ни его внешность, ни голос и все же всякий раз, когда вспоминаю об этом человеке, начинаю тря-стись от бессильной ярости.

Его звали Дэвид Оукли. Профессия – агент по расследо-ваниям. Живет в Бирмингеме.

Он стоял у края стола, за которым восседали судьи, сохра-няя полнейшее спокойствие, время от времени заглядывая в блокнот на спиральках. И все то время, пока он говорил, на

его лице не выразилось никаких эмоций.

– Действуя по инструкции, я посетил квартиру Келли Хьюза, жокея из конюшни Корри-хауз, что расположена в Корри, графство Беркшир, через два дня после розыгрыша «Лимонадного кубка».

Я чуть было не вскочил с кресла с протестом, но, пока я пытался построить фразу, он как ни в чем не бывало продолжил:

– Мистера Хьюза не было дома, но дверь оказалась открытой, и я вошел, чтобы подождать его в квартире. За это время я сделал ряд наблюдений. – Он ненадолго замолчал.

– Это еще что такое? – обратился ко мне Крэнфилд.

– Понятия не имею. Я вижу его впервые.

Между тем Гоуэри не давал нам вздоху-продыху:

– И вы кое-что там обнаружили?

– Да, милорд.

Гоуэри извлек из кипы три больших конверта и передал Трингу и Плимборну. Ферт уже взял себе конверт сам. Он успел ознакомиться с его содержимым, еще когда Оукли только вошел в комнату, и теперь смотрел на меня с явным презрением.

В каждом из конвертов было по фотографии.

– Это фотография того, что я обнаружил на комодe в спальне Хьюза, – пояснил Оукли.

Энди Тринг глянул на фотографию, затем еще раз, пристальнее, и после этого поднял голову. На его лице было на-

писано отвращение. Он впервые за все это время посмотрел на меня и поспешно отвел взгляд.

– Я хочу увидеть эту фотографию, – хрипло потребовал я.

– Разумеется, – сказал Гоуэри и подтолкнул свой экземпляр в мою сторону. Я встал, сделал три шага и уставился на снимок.

Несколько секунд я смотрел на него, не понимая, что все это означает, а когда наконец понял, то чуть было не задохнулся от возмущения. Фотография была сделана сверху, и снимок получился безукоризненно отчетливым. Виднелся угол серебряной рамки и половина лица Розалинды, а из-под рамки высовывался листок, на котором стояло число следующего после розыгрыша «Лимонадного кубка» дня. Записка состояла из трех слов, с подписью и инициалами: «Как договаривались. Спасибо. Д. К.».

Рядом была разложена веером, как карты, большая пачка десятифунтовых купюр.

Я поднял глаза и встретил взгляд лорда Гоуэри. Я чуть было не отвел свой взгляд – такая непреклонная решимость была написана на его лице.

– Это подлог, – сказал я не своим голосом. – Это явный подлог.

– Что это? – спросил за моей спиной Крэнфилд, и в его голосе явно послышалось предостережение катастрофы.

Я взял со стола снимок и передал ему, чувствуя, что у меня отнимаются ноги. Когда до Крэнфилда дошел смысл фо-

тографии, он медленно поднялся на ноги и низким голосом произнес с подчеркнuto официальными интонациями:

– Милорды, если вы можете поверить этому, то вы поверите чему угодно.

Его слова не возымели ни малейшего эффекта.

Лорд Гоуэри просто спросил:

– Насколько я понимаю, это ваш почерк?

Крэнфилд отрицательно покачал головой:

– Я этого не писал.

– Будьте так добры написать тот же текст вот на этом листке, – сказал Гоуэри, пододвигая к краю стола листок чистой бумаги. Крэнфилд подошел к столу и сделал, что его просили. Никто не сомневался, что оба текста будут похожи, и они не ошиблись. Гоуэри передал листок для изучения другим стюардам, и они после недолгого разглядывания покивали головами.

– Это подлог, – повторил я. – Я никогда не получал такой записки.

Гоуэри не обратил на мои слова никакого внимания. Вместо этого он сказал Оукли:

– Расскажите, пожалуйста, где вы нашли деньги.

Оукли зачем-то снова заглянул в свой блокнот.

– Деньги были вложены в записку, перевязаны резинкой, и все лежало за портретом подруги Хьюза, который виден на снимке.

– Это неправда, – сказал я, но я напрасно трудился откры-

вать рот. Все равно никто мне не верил.

– Я полагаю, вы сосчитали деньги?

– Да, милорд. Там было пятьсот фунтов.

– Никаких денег там не было! – крикнул я. Без толку. – И вообще, – отчаянно попытался я достучаться до всех них, – зачем мне брать эти пятьсот фунтов от кого бы то ни было, если, выиграв приз, я получил бы никак не меньше?

На какое-то мгновение мне показалось, что я выиграл очко. Что они вдруг оказались в замешательстве. Наивный человек. И на это был заготовлен ответ.

– Как объяснил нам мистер Джессел, владелец Урона, – ровным голосом пояснил Гоуэри, – вы получаете десять процентов от суммы выигрыша – по официальным каналам, чеком. Это означает, что все деньги, получаемые вами от мистера Джессела, облагаются налогом, а поскольку вы платите весьма значительные налоги, то из пятисот фунтов, которые вы получили бы от мистера Джессела, на налоги ушло бы пятьдесят процентов, а то и больше.

Они подсчитали мои доходы до последнего пенса. Копали по всем направлениям. Разумеется, я ничего не утаивал от налоговых служб, но эти закулисные операции заставили меня почувствовать себя раздетым догола при всех. И порядком взбесили. И наконец, вселили чувство безнадежности. Только тут я вдруг понял, что все это время подсознательно лелеял надежду, воспитанную чтением сказок: тот, кто говорит правду, в конце концов победит.

Я посмотрел на лорда Гоуэри, и он ответил коротким взглядом. На лице его не было никаких чувств, он был абсолютно хладнокровен. Он сделал выводы, и ничто теперь не могло поколебать его уверенность.

Сидевший рядом с ним Ферт не то чтобы полностью убедился, но его былой пыл-жар явно поостыл. Теперь он уже не являлся соперником лорду Гоуэри и, судя по выражению его лица, пасовал перед фактами.

Больше обсуждать было нечего. Лорд Гоуэри коротко суммировал выдвинутые против нас обвинения. Перечень предыдущих скачек. Отказ от использования хлыста. Показания Чарли Уэста. Деньги, поставленные на Вишневого Пироба. Указания тренера жокею с глазу на глаз. Фотография, подтверждающая сговор между Крэнфилдом и Хьюзом...

– Не имеется ни малейшего сомнения, что перед нами откровенный обман публики, играющей на тотализаторе... Ничего не остается, как лишить вас лицензии. Вы, Декстер Крэнфилд, и вы, Келли Хьюз, дисквалифицируетесь до особого уведомления...

Бледный и трясущийся Крэнфилд сказал:

– Я хочу заявить, что разбирательство носило вопиюще необъективный характер. Ни я, ни Хьюз ни в чем не виноваты. Вердикт чудовищно несправедлив.

Никакой реакции со стороны Гоуэри. Лорд Ферт, однако, заговорил второй раз за все это время:

– Хьюз?!

– Я ехал на победу, – сказал я. – Свидетели солгали.

Лорд Гоуэри нетерпеливо покачал головой:

– Расследование окончено. Вы свободны.

Мы с Крэнфилдом все еще сидели, не желая поверить, что все кончено. Но чиновник уже распахнул перед нами дверь, а те, кто находился напротив нас, стали тихо переговариваться о своих делах, перестав обращать на нас внимание. Нам ничего не оставалось делать, как уйти. Ноги у меня были как деревянные, голова превратилась в футбольный мяч, а тело – в глыбу льда. Кошмар, и только.

В соседней комнате собрались какие-то люди, но я уже плохо соображал, что творилось вокруг. Крэнфилд, поджав губы, зашагал через комнату к дальней двери, пару раз сбросив руки, положенные кем-то на плечо. В каком-то полубоморочном состоянии я двинулся за ним, но был, видно, менее решительно настроен, ибо меня остановил плотный мужчина, загородивший проход.

Я вяло посмотрел на него. Джессел. Владелец Урона.

– Ну? – с вызовом спросил он.

– Они нам не поверили. Мы оба дисквалифицированы.

Он выдохнул с присвистом:

– Я не удивлен – после всего, что слышал. И учтите, Хьюз, даже если вам вернут лицензию, у меня вы ездить не будете.

Я посмотрел на него безучастно и промолчал. После всего случившегося это уже не имело никакого значения. Он явно пообщался со свидетелями, ожидавшими вызова. Они

убедят кого угодно. Впрочем, владельцы лошадей и в обычных обстоятельствах отличались непредсказуемостью. Сегодня они доверяют жокею как родному, на завтра подозревают его во всех смертных грехах. Их доверие покоится на зыбком фундаменте. Джессел разом позабыл, сколько я для него выиграл призов, стоило мне проиграть один-единственный.

Я отвел взгляд от его враждебной физиономии и почувствовал на своем плече более дружескую руку. Это был Тони, поехавший со мной, вместо того чтобы тренировать своих лошадей.

– Пошли, – сказал он. – Поскорей уйдем отсюда!

Я кивнул, прошел вместе с ним в лифт, а когда мы спустились вниз, двинулся к выходу. На улице толпилась шайка газетчиков, поджидавших Крэнфилда с блокнотами на изготровку. При виде этих людей я остановился как вкопанный.

– Подождем, пока они рассеются, – предложил я.

– Они не уйдут, пока не сожрут тебя.

Мы стояли в замешательстве, и я услышал, как меня окликнули: «Хьюз!»

Я не обернулся. Решил, что могу позволить себе сейчас быть невежливым. За спиной я услышал звук шагов. Лорд Ферт. Вид утомленный.

– Хьюз, бога ради, скажите мне: зачем вы это сделали?

Я окинул его каменным взглядом:

– Я ничего не делал.

Он покачал головой:

– Но все данные...

– Объясните мне... – грубо перебил я его, – почему такие достойные люди, как стюарды, охотно поверили в явную ложь?

С этими словами я отвернулся от него. Кивнул Тони и двинулся к выходу. Плевать мне на газетчиков. Плевать на стюардов и на Джессела. И на все, что связано со скачками. На крыльях злобы я вылетел на улицу и пронесся еще ярдов пятьдесят по Портман-сквер, пока гнев не превратился в боль и мы не погрузились в такси, которое поймал Тони.

Тони с грохотом поднялся по лестнице. Я услышал, как он крикнул:

– Ты дома, Келли?

Я слез с кровати, встал, потянулся, вышел в гостиную и включил свет. Он стоял в дверях, смущенно моргая, его руки были заняты подносом с едой.

– Поппи настояла, – пояснил он. Тони поставил поднос на стол и снял салфетку, которой он был накрыт. Поппи прислала горячий пирог с курятиной, помидоры и полфунта сыра бри.

– Она утверждает, что ты два дня не ел.

– Наверное, так оно и есть.

– Тогда наваливайся. – Он заученным движением взял бутылку с виски и щедро наполнил два стакана. – И попробуй все это – хотя бы из любопытства.

Я взял стакан, сделал глоток и почувствовал, как в груди потеплело. Первое ощущение всегда самое приятное. Тони одним движением хлопнул свою порцию и стал наливать по новой.

Я съел пирог, помидоры и сыр. Голод, который все это время заглушали переживания, теперь свернулся калачиком и заснул.

– Ты можешь еще немного побыть у меня? – спросил я.

– Естественно.

– Хочу рассказать тебе о расследовании.

– Давай, – отозвался он не без удовольствия. – Я давно этого жду.

Я поведал ему все, что произошло на заседании дисциплинарного комитета, почти слово в слово. Все до мелочей намертво врезалось мне в память, как случается при серьезных потрясениях.

Тони отреагировал однозначно:

– Тебя подставили.

– Это точно.

– Неужели это сойдет гадам с рук?

– Пока они в совершенном порядке.

– И ты, значит, никак не мог доказать...

– Вчера мне ничего не пришло в голову такого... Всегда самые лучшие ответы придумываются потом, когда все позади и поезд ушел.

– Что бы ты спросил их сегодня?

– Во-первых, для начала я бы, наверное, пожелал узнать, по чьему распоряжению этот самый Оукли рыскал в моей квартире. Он сказал, что действовал по инструкциям. Отлично – кто дал ему эти инструкции? Вчера я не удосужился спросить об этом. Сегодня я вижу, что в этом-то вся суть...

– Ты решил, что его уполномочили стюарды?

– Черт его знает! Я вообще об этом как-то не подумал. Я был в таком скверном состоянии, что голова совершенно отказывалась работать.

– Может, все-таки он сделал это по просьбе стюардов?

– Вряд ли. Теоретически они могли, конечно, послать такого сыщика, но, скорее всего, они никого не посылали и, уж конечно, вряд ли вручили ему пятьсот фунтов, поддельную записку и велели сфотографировать их где-то на самом видном месте в моей квартире. Но именно так он и поступил. Кто же приказал ему это?

– Даже если бы ты спросил его, он вряд ли удовлетворил бы твое любопытство.

– Пожалуй, ты прав. Но мой вопрос, однако, мог заставить стюардов немного задуматься.

Тони покачал головой:

– Он все равно сказал бы, что нашел деньги за портретом. А ты бы сказал то, что и так сказал: ты их туда не клал. Его версия против твоей. Никакой разницы.

Он угрюмо уставился в свой стакан. Я столь же угрюмо – в свой.

– Какой подлец Чарли Уэст! – сказал я. – И его они взяли в оборот.

– Ты ведь не говорил: «Притормозим, ребята!»?

– Тогда – нет. Но я сказал эти слова в той жуткой скачке двухлеток в Оксфорде недели за две до «Лимонадного кубка», когда пришлось отменить две последние скачки из-за снега. Мой жеребенок оказался плохим прыгуном – старик Эдмонд так и не научил его брать барьеры, да и половина лошадей тоже никуда не годилась, поэтому основная группа отстала на двадцать корпусов от четверки, которая чего-то стоила. Шел снег с дождем, было скользко, и мне совершенно не хотелось заканчивать гонку на носилках с переломами, поэтому, когда мы оказались вдалеке от трибун, я и крикнул: «О'кей, притормозим, ребята!» – и те, кто меня слышал, с удовольствием притормозили и закончили скачку куда медленней, чем могли. На результате это все равно никак не отразилось, но я действительно произнес эти слова. Более того, Чарли Уэст действительно их слышал. Просто он перенес их из одной скачки в другую.

– Мерзавец!

– Это точно!

– А может, никто специально его и не обрабатывал. Может, он просто решил, что, утопив тебя, он, глядишь, получит пару-тройку лишних лошадей.

Я обдумал эту гипотезу и отрицательно покачал головой:

– Вряд ли он настолько подл.

– Кто знает. – Тони dokonчил виски и рассеянным жестом снова наполнил стакан. – Ну а этот букмекер?

– Ньютоннардс? Не знаю. Похоже, тот же случай. Кто-то заимел зуб на Крэнфилда. На нас обоих. Мы связаны одной веревочкой, и нельзя дисквалифицировать одного, не наказав другого.

– Хочется рвать и метать, – сказал Тони. – Какое свинство!

Я кивнул:

– Странное было расследование. Не без подводных течений. Причем поначалу это ощущалось довольно отчетливо. Трения между лордом Гоуэри и лордом Фертом. Ну а Энди Тринг был вялый, как вчерашний салат. – Я недоуменно покачал головой. – Все это напоминает двух крупных хищников, прячущихся в лесных зарослях и выискивающих удобный момент, чтоб напасть друг на друга. Ты их не видишь, но в воздухе пахнет схваткой. По крайней мере, от расследования у меня сложилось такое впечатление...

– Ну, стюарды всего-навсего люди, – проворчал Тони.

– Ты покажи мне организацию, где за респектабельными фасадами не идет отчаянная борьба за власть. Твой нос почувал запах старой доброй серы. Отблески потаенного адского пламени. Это никак не связано с вопросом, виновны вы с Крэнфилдом или нет.

Тони почти убедил меня. Он dokonчил бутылку и велел мне не забыть пополнить запасы.

Деньги. Со вчерашнего дня мой источник доходов иссяк.

Государство не платит пособие тем, кто действует на свой страх и риск, и жокеи вспоминают об этом с наступлением зимы.

– Я хочу разобраться сам, – коротко сказал я.

– В чем?

– Кто нас подставил.

– Морская пехота, вперед! – заплетающимся языком проговорил Тони. – В атаку, ребята! – Он взял бутылку и с сожалением на нее посмотрел. – Пора бай-бай. Если тебе понадобится подмога в твоих баталиях, можешь рассчитывать на мою валлийскую кровь до последней капли.

Он, не шатаясь, дошел до двери, обернулся и скорчил гримасу, обозначающую уверение в дружбе. Тони был настоящим другом.

– Не упади с лестницы, – посоветовал я на прощание.

Вторая часть

Март

Глава 4

Роберта Крэнфилд великолепно смотрелась в моей гостиной. Я поехал в город покупать виски, а вернувшись, обнаружил ее, грациозно расположившуюся на моем недавно отреставрированном «чиппендейле». Зеленый бархат дивана выгодно оттенял ее стройные ноги и фиолетовое шерстяное платье.

Ее длинные густые волосы цвета опавших буковых листьев создавали драматический контраст с цветом штор. У нее была белая кожа, фантастические брови, глаза цвета янтаря, фотогеничные скулы и капризный рот.

Ей было девятнадцать, и она мне не нравилась.

– Доброе утро, – поздоровался я.

– У вас была открыта дверь.

– Дурная привычка. Пора мне с ней покончить.

Освободив бутылку из бумажной обертки, я поставил ее и два приземистых стаканчика на серебряный подносик – приз за победу на скачке, спонсором которой была какая-то кондитерская фирма. Подносик был симпатичным, весом

тридцать четыре унции, испорченный, однако с надписью: «К. Хьюзу, победителю стипль-чеза на приз фирмы по производству шоколада „Старс“». К тому же я никогда не ел шоколада – не мог себе позволить, чтобы не растолстеть.

Раскованным жестом она обвела комнату:

– Шикарная обстановочка!

«Интересно, зачем это она ко мне пожаловала», – подумал я, а вслух сказал:

– Хотите кофе?

– Кофе и каннабис!

– Вы ошиблись адресом.

– Какой вы колючий! – сказала она.

– Суший кактус, – согласился я.

С полминуты она смотрела на меня в упор своими влажными глазами. Затем сказала:

– Насчет каннабиса это я так. Чтобы встряхнуть вас немножко.

– А!

– Вижу, что ничего не вышло. Зря старалась.

– Тогда просто кофе?

– Да.

Я пошел в кухню и стал собирать кофейник. На кухне преобладали белые и коричневые цвета с добавлением желтого и медно-красного. Мне нравилась эта гамма. Цвета вообще действовали на меня так, как на других действует музыка. Я не очень любил музыку, а когда ее было слишком много, и

вовсе выходил из себя. Особенно меня раздражало то, что исполнялось в ресторанах и самолетах. Я не держал в доме проигрыватель и вообще предпочитал тишину.

Роберта проследовала за мной из гостиной и стала оглядывать кухню с легким удивлением.

– Неужели все жокеи так живут?

– Естественно.

– Что-то не верится.

Она заглянула в буфет, обшитый сосной, откуда я доставал кофе.

– Вы сами себе готовите?

– Как правило.

– Любите изысканные кушанья – например, шашлык? – В голосе чуть скрытая насмешка.

– Нет, бифштексы.

Я налил дымящийся кофе в чашки и предложил Роберте сливки и сахар. Она отказалась от сахара, но сливки налила щедро. Затем она уселась на желтую табуретку. Ее медные волосы хорошо смотрелись и на кухне.

– Вы, похоже, неплохо ее переносите, – сказала Роберта.

– Кого?

– Дисквалификацию.

Я промолчал.

– Кактус, – сказала она.

Она не торопилась с кофе, делала редкие глотки, изучающе поглядывая на меня поверх чашки. Я, в свою очередь,

изучал Роберту. Почти одного роста со мной, прекрасно владеет собой, холодная, как стратосфера. На моих глазах она росла, превращаясь из капризного ребенка в эгоцентричного подростка, в капризную дебютантку и, наконец, в сверкающую подделку под фотомодель, сильно мающуюся от скуки. За те восемь лет, что я ездил у ее отца, мы встречались редко и разговаривали мало – в основном возле скакового круга и у дверей весовой. В те моменты, когда она ко мне обращалась, она смотрела поверх моей головы.

– Вы не хотите мне помочь, – сказала Роберта.

– Помочь объяснить, зачем вы ко мне пришли? – продолжил я.

Она кивнула:

– Мне казалось, я вас знаю. Теперь я поняла, что ошибалась.

– Что же вы ожидали увидеть?

– Отец говорил, что вы родились и выросли на ферме, где свиньи забегали и выбегали из дома.

– Он преувеличивал.

Она чуть подняла подбородок, словно желая предупредить фамильярность со стороны собеседника, – жест, который я видел у нее и ее братьев сотню раз. Подражание родителям.

– Это были не свиньи, а куры, – уточнил я.

Она окинула меня надменным взглядом. Я ответил легкой улыбкой, не собираясь «знать свой шесток». Некоторое

время она напряженно думала, как же лучше обращаться с кактусом – я отчетливо слышал, как крутятся колесики в ее мозгу, – и наконец подбородок занял первоначальное положение.

– Настоящие?

Вот это уже хорошо. Я почувствовал, что улыбаюсь вполне искренне.

– Вполне.

– Вы не похожи на... Я хочу сказать...

– Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Пора бы вам избавиться от этих цепей.

– От цепей? О чем вы говорите?

– От цепей, сковывающих ум. От оков, в которых томится ваша душа.

– С умом у меня все в порядке.

– Вы шутите, ваша голова набита идеями, которым уже пора на свалку.

– Я пришла сюда не для того, чтобы... – запальчиво начала она и вдруг осеклась.

– Вы пришли сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления, – иронически закончил я.

– Коль скоро вы употребили этот штамп, то да. Но я не собиралась это говорить.

– Зачем же тогда вы пожаловали?

Она помолчала и ответила:

– Я хотела вашей помощи.

– Для чего?

– Чтобы... чтобы справиться с отцом.

Меня удивило, во-первых, что с отцом приходится «справляться», а во-вторых, что она не может сделать этого без моей помощи.

– В чем же заключается мое участие?

– Он... он совершенно разбит. – Неожиданно в ее глазах блеснули слезы. Это смутило и разозлило ее. Она неистово заморгала, чтобы я не заметил, что глаза у нее на мокром месте. Слезы были восхитительны – в отличие от причины, по которой она старалась скрыть их от меня.

– Вот вы, например, – быстро проговорила она, – ходите как ни в чем не бывало, покупаете виски, пьете кофе, словно на вас не обрушилась страшная лавина, словно ваша жизнь не разбилась вдребезги и подумать об этом адски больно. Может, вы не понимаете, как человек в подобном положении может нуждаться в помощи. Правда, я никак не могу взять в толк, почему вам самому не требуется помощь, но то, что отцу она необходима, не вызывает у меня никаких сомнений.

– Мне ему нечем помочь, – кротко возразил я. – Он обо мне слишком невысокого мнения.

Она сердито открыла рот, но тотчас же его закрыла, сделала два вдоха-выдоха, чтобы взять под контроль свои эмоции, и сказала:

– Похоже, он прав.

– Увы, – горестно отозвался я. – Но о какой помощи может

идти речь?

– Я хочу, чтобы вы пришли и поговорили с ним.

Разговаривать с Крэнфилдом мне было все равно что махать красной тряпкой перед быком, но настойчивость Роберты не позволяла напомнить – ей и себе, – что уверенность в неуспехе – неплохая отговорка, чтобы ничего не предпринимать.

– Прямо сейчас. Если, конечно, у вас нет дел поважней.

– Нет, – отозвался я. – Дел поважней не имеется.

Она сделала гримаску и как-то странно развела руками:

– Так, может, вы зайдете сейчас... пожалуйста.

Она, похоже, сама удивилась тому, как умоляюще вышло это «пожалуйста». Судя по всему, она шла ко мне с намерениями приказывать, не просить.

– Ну ладно.

– Замечательно! – Внезапно в ее манере вновь появился холодок. Настоящая дочка босса. Она поставила чашку в мойку и двинулась к двери. – Лучше поезжайте за мной на своей машине. Нет смысла ехать в моей: вам понадобится машина для обратной дороги.

– Это верно, – согласился я. – Смысла нет.

Она подозрительно посмотрела на меня, но сочла за благо не проводить расследования насчет неуместной иронии.

– Я оставила пальто у вас в спальне.

– Я принесу его.

– Спасибо.

Я прошел через гостиную в спальню. Ее пальто лежало на моей кровати бесформенной грудой. Полосы черного и белого меха. Я подобрал его, обернулся и обнаружил, что Роберта проследовала за мной.

– Большое спасибо. – Она повернулась ко мне спиной и расставила руки, готовая принять от меня пальто. Процедура одевания состоялась, после чего она повернулась ко мне и стала медленно застегивать шубку на пуговицы – сияющие черные блюдца.

– Квартира у вас сказочная. Кто делал интерьер?

– Человек по имени Келли Хьюз.

Она удивленно подняла брови:

– Я сразу вижу руку профессионала...

– Большое спасибо.

Она опять вздернула подбородок:

– Ну, если вы не хотите говорить...

– Очень хочу. Собственно, я все уже вам сказал. Я сам спланировал интерьер. С шестилетнего возраста я занимался побелкой свинарников...

Она никак не могла решить, рассмеяться или обидеться, и потому решила сменить тему.

– Этот портрет... это ваша жена, да?

Я кивнул.

– Я ее помню. Она была так мила со мной. Она всегда понимала меня. Когда она погибла, я страшно переживала.

Я изумленно посмотрел на нее. Люди, с которыми Роза-

линда была особенно мила, как правило, сильно страдали. Она умела почуять в окружающих неладное и оказать поддержку, не дожидаясь, пока ее об этом попросят. Я бы ни за что не сказал, что Роберта Крэнфилд относится к категории несчастных, но, возможно, в период с двенадцати до пятнадцати, когда она общалась с Розалиндой, у нее были свои проблемы.

– Жена она была неплохая, – отозвался я, и мисс Роберта Крэнфилд была явно шокирована столь легкомысленным ответом.

Мы вышли из квартиры, и на сей раз я запер дверь, хотя все мои лошади уже сбежали. Роберта поставила свой «санбимэпайн» за конюшней, поперек дверей гаража, где стоял мой «лотос». Она дала задний ход и развернулась с агрессивным шиком, и я позволил ей отъехать на значительное расстояние, прежде чем вырулил из гаража сам; мне не хотелось мчаться с ней наперегонки все те восемнадцать миль, что разделяли наши дома.

Крэнфилд жил в ранневикторианском особняке в деревушке, что была в четырех милях от Лэмберна. Агенты по продаже недвижимости называли бы этот особняк «резиденцией джентльмена из провинции». Построенный еще до того, как индустриальная революция докатилась до Беркшира, элегантный, очаровательный, неподвластный капризам времени, он всегда восхищал меня. В отличие от его обитателей.

Как всегда, я подъехал к дому сзади и поставил машину

рядом с конюшенным двором. На дворе стоял бокс для перевозки лошадей с опущенной решеткой, и кто-то из конюхов заводил в него лошадь. Как только я вылез из машины, ко мне подошел Арчи, старший конюх.

– Кошмар, да и только, – сказал он. – Это же надо такое придумать. Безобразие, форменное безобразие!

– Забирают лошадей?

– Да, кое-кто из владельцев уже прислал боксы. К послезавтрашнему дню всех лошадей должны увезти. – На его обветренном загорелом лице гнев соединился с отчаянием и растерянностью. – Всех конюхов увольняют. И меня тоже. А мы-то со старухой только-только приобрели в рассрочку один из новых домов, что построили там, за шоссе. Шале – то, о чем жена всю жизнь мечтала. Работала, работала, копила деньги. Теперь ревет в три ручья. Переехали только месяц назад, представляете? Как нам теперь за него расплачиваться? Все до последнего фунта истратили – на первый взнос, на стряпчих, на шторы... Уютное гнездышко получилось. А все супруга – старалась изо всех сил. Не верю я, что хозяин заделал ту чертову скачку. Этот самый Пирог – хороший жеребенок, рано или поздно он должен был проявиться. Это и ежу понятно! Но если хозяин скачку сварганил, тогда оно конечно. Тогда так ему и надо, а я лично еще потребую с него компенсацию. Поди попробуй продай дом в здешних местах. Больно далеко от Лэмберна. Где они, охотники селиться здесь, вон два дома так и стоят пустыми. Джордж! –

внезапно крикнул он конюху, выбившемуся из сил, затаскивая заупрямившуюся лошадь. – Не надо с ней так, она ни в чем не виновата! – Он пересек двор, сам взял лошадь под уздцы, и она, сразу успокоившись, легко зашла в бокс.

Арчи был первоклассным конюхом, таких, как он, можно было по пальцам перечесть, и успехи Крэнфилда во многом были связаны с его работой. Если Арчи продаст дом и наймется к другому тренеру, Крэнфилду не видать его больше как своих ушей. Лицензия к нему рано или поздно вернется, но такой конюх – вряд ли.

Еще один конюх подвел лошадь к боксу. У него тоже был обеспокоенный вид. Я знал, что его жена должна была вот-вот родить первенца.

Некоторые конюхи, впрочем, не беспокоились. Работы в скаковых конюшнях хватало, и, в конце концов, многим было все равно, где жить. Если они уйдут, вернуть их будет очень сложно. Вряд ли удастся заполучить назад и большинство лошадей, и их владельцев. Конюшню нельзя закрыть на несколько месяцев, а потом опять открыть. Утечет слишком много воды.

Переживая за себя и за других, я прошел по короткой аллее к дому. Машина Роберты стояла у парадного входа, а сама Роберта находилась рядом. Вид у нее был сердитый.

– А я уже думала, что вы струсили.

– Я поставил машину у конюшен.

– Я не могу заставить себя пойти туда. Отец тоже. Он не

выходит из своей комнаты. Вам придется к нему подняться.

Она первой вошла в дверь, и затем мы двинулись по огромному персидскому ковру, устилавшему холл. Когда мы добрались до лестницы, дверь библиотеки распахнулась настежь и из нее вышла миссис Крэнфилд. Она всегда так открывала двери, словно подозревала, что за ними творится нечто неприличное, и пыталась застать виновников на месте преступления. Это была некрасивая женщина, не пользовавшаяся косметикой и одевавшаяся в бесформенные шерстяные платья. Со мной она разговаривала только о лошадях, и я подозревал, что больше она ни о чем говорить не может. Отец ее был ирландским бароном, что и определило, похоже, брачный интерес Крэнфилда.

«Мой тесть, лорд Кулихэн», – говорил Крэнфилд, причем делал он это слишком часто. Я подумал, не потерял ли он после общения с Гоуэри пиетет перед аристократией.

– Ах, это вы, Хьюз, – сказала миссис Крэнфилд. – Роберта сказала, что хочет привезти вас. Хотя какой от вашего приезда толк? Ведь если разобраться, из-за вас и разгорелся скандал.

– То есть?

– Если бы вы лучше проехали на Уроне, ничего бы не произошло.

Все шесть вариантов достойного ответа я вовремя забравал и промолчал. Когда некоторым людям больно, они вымещают свои чувства на том, что попадается под руку. Мис-

сис Крэнфилд продолжала вымещать свою боль на мне.

– Декстер был просто ошеломлен, когда узнал, что у вас есть обыкновение нарочно отдавать победы.

– Меня эта новость тоже ошеломила, – сухо произнес я.

– Мама, прекрати. – Роберта нетерпеливо вмешалась. –
Пойдемте, Хьюз. Вот сюда!

Я остался стоять как стоял. Она поднялась на три ступеньки, остановилась и обернулась:

– Пойдемте, чего вы ждете?

Я пожал плечами. Чего я ждал, в этом доме мне было не дожидаться. Я поднялся вслед за ней по лестнице, потом прошел по широкому коридору и оказался в комнате ее отца.

В ней было слишком много тяжелой массивной мебели красного дерева более позднего периода, чем сам дом, ковер тускло-фиолетового цвета, такого же цвета плюшевые шторы и кровать с индийским покрывалом.

На краю кровати сидел Декстер Крэнфилд – он сгорбился так, что спина его напоминала дугу, а плечи закрывали уши. Он сидел, уронив руки на колени, скрючив пальцы и уставившись в пол.

– Он может сидеть так часами, – прошептала у меня за спиной Роберта.

Увидев его, я понял, почему она говорила, что отцу нужна помощь.

– Отец! – сказала она, подойдя к нему и тронув за плечо. –
К тебе пришел Келли Хьюз.

– Пусть пойдет и застрелится! – отрезал Крэнфилд.

Она увидела, как я прищурился, и по этой гримасе, похоже, решила, что я обиделся и подумал, что Крэнфилд видит во мне причину всех его бед. Я не стал конкретизировать ее смутные опасения, объяснив себе истинную причину его грубости так: Крэнфилд пожелал мне застрелиться, потому что сам думал об этом.

– А теперь пока! – сказал я Роберте, кивнув в сторону двери.

Снова инстинктивно вздернулся подбородок. Затем она посмотрела на сторбившегося отца и снова на меня, вспомнила, с каким трудом доставила меня сюда, и ее надменность исчезла без остатка.

– Ладно, я подожду внизу, в библиотеке. Не уходите... не сказав мне что и как.

Я кивнул, и она чинно вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

Я подошел к окну. Разгороженные луга спускались в долину. Деревья наклонены в одну сторону из-за постоянных ветров. Ряд пилонов и крыши строений муниципального совета. Ни одной лошади. Окна комнаты Крэнфилда выходили на противоположную от конюшен сторону.

– У вас есть оружие? – спросил я.

Никакого ответа. Я подошел к нему и сел рядом.

– Где оно?

Крэнфилд чуть покосился в мою сторону и снова отвел

взгляд. Он смотрел мимо меня. Я поднялся, шагнул к столу у постели, но ни на нем, ни в ящиках не нашлось ничего смертоносного.

Я обнаружил ружье за высоким, красного дерева изголовьем кровати. «Парди» ручной работы – вполне годится для охоты на фазанов. Оба ствола заряжены. Я разрядил их.

– Очень неэстетично, – заметил я. – И бестактно по отношению к домашним. Впрочем, вы ведь не собирались этого делать, если всерьез, а?

В этом я как раз не был уверен, но не было ничего дурного в попытке переубедить его.

– Что вы здесь делаете? – вяло спросил он.

– Пришел сказать вам, чтобы вы выбросили это из головы. У нас много дел.

– Не говорите со мной так!

– Как же иначе с вами говорить?

Крэнфилд слегка вздернул голову – прямо как Роберта. Если мне удастся разозлить его, он сделается хотя бы отчасти похож на самого себя. И тогда я со спокойной душой могу вернуться домой.

– Что толку сидеть и дуться. Этим делу не помочь.

– Дуться? – Он понемногу начинал вскипать. Но этого было мало.

– Злой дядя взял и отобрал наши игрушки? Ай как нехорошо! Но от того, что мы будем сидеть по своим углам и дуться, ничего не изменится.

– Игрушки? Что за чепуха!

– Игрушки, лицензии... Какая разница? У нас отняли то, что мы ценили больше всего. Отняли обманным путем. Но вернуть их мы можем только сами. Всем прочим до этого нет дела.

– Мы можем подать апелляцию, – сказал он без особой уверенности.

– Ну конечно. Через полгода, не раньше. Но где гарантия, что наши просьбы будут удовлетворены? Единственный разумный способ – это действовать самим сейчас и узнать, кто нас подставил. Кто и почему. А когда мы узнаем, кто этот человек, я своими руками сверну ему шею.

Крэнфилд по-прежнему сидел сторбленный, уставившись в пол. Он не находил сил взглянуть в лицо даже мне, не говоря уже обо всех остальных. «Если бы он не был таким жутким снобом, – злобно подумал я, – беда не придавила бы его так сильно». Дисквалификация придавила его в самом буквальном смысле. Он просто не мог показаться на людях с такой ношей.

Впрочем, я не был уверен, что и сам сумею отнестись к этому со стоическим спокойствием. Прекрасно, конечно, сознавать, что ты ни в чем не виноват и что ближайшие друзья в этом не сомневаются. Но к сожалению, нельзя расхаживать с плакатиком «Я тут ни при чем. Я не сделал ничего дурного. Я жертва мошенничества».

– Вам-то еще ничего, – сказал Крэнфилд.

– Святая правда, – согласился я и добавил после паузы: – Я прошел через конюшни. – Он издал тихий протестующий звук, но я продолжал: – Арчи сам за всем присматривает. Он очень переживает из-за дома.

Крэнфилд слабо взмахнул рукой, давая понять, что ему в теперешнем положении не до таких пустяков, как проблемы Арчи.

– Я думаю, вам имело бы смысл некоторое время выплачивать за дом Арчи.

– Что? – Только сейчас смысл предложения дошел до Крэнфилда. Его подбородок вздернулся дюймов на шесть.

– Это какие-то несколько фунтов в неделю. Для вас сущие гроши. Для Арчи – это вопрос жизни. Если вы потеряете его, у вас никогда не будет первоклассной конюшни.

– Вы... вы... – Он кипел от негодования, но по-прежнему смотрел вниз.

– Качество работы тренера зависит от его конюхов.

– Глупости!

– Сейчас у вас хорошие конюхи. Вы избавились от бездельников, лентяев, грубиянов. Чтобы создать хорошую команду, требуется время, и без нее нельзя рассчитывать на победы в больших призах. Лицензию-то вам в конце концов вернут, только вы не вернете этих ребят, а чтобы восстановить нынешний уровень конюшни, понадобятся годы. Если это вообще удастся. А я слышал, вы уже предупредили их об увольнении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.